

УДК 811.111:81'42

НАРУШЕНИЕ ВНУТРЕННЕЙ ВАЛЕНТНОСТИ СЛОВА
КАК МЕХАНИЗМ ОБРАЗОВАНИЯ ЯЗЫКОВЫХ АНОМАЛИЙ
(на материале произведений англоязычных писателей-постмодернистов)

Н. В. Джаманова

THE VIOLATION OF INTERIOR VALENCY OF WORDS
AS A MECHANISM OF LANGUAGE ANOMALIES FORMATION
(an analysis of the material of postmodernist novels English)

N. V. Dzhamanova

В статье анализируются особенности нарушения двух видов внутренней валентности слова. Результатом такого рода нарушений является появление языковых аномалий, которые служат средством выражения авторского замысла. Подобные явления ориентированы на привлечение читательского внимания за счет своей повышенной экспрессивности. Анализ проводится на материале текстов англоязычных писателей-постмодернистов.

Ключевые слова: валентность, языковые аномалии, лингвокреативное мышление, словотворчество, постмодернизм.

The article studies the peculiarities of the violation of two types of interior valency of words. This process results in language anomalies that serve as means of expressing the author's ideas. The anomalies are aimed at attracting the readers' attention due to their high expressiveness. The analysis is carried out on the material of postmodernist novels in English.

Keywords: valency, language anomalies, lingvo-creative thinking, word creation, postmodernism.

Понятие «валентность» прочно вошло в лингвистическую науку. На сегодняшний день многие проблемы лингвистики изучаются с привлечением данного понятия, которое, как и понятие «сочетаемость», рассматривается как одно из ключевых свойств языковых единиц разных уровней. Однако до сих пор в лингвистической науке нет единого мнения относительно разграничения данных понятий, и вопрос, касающийся этих терминов, представляет интерес для специалистов самых разных направлений лингвистической науки.

Понятие «валентность» появилось в западном языкознании благодаря Л. Теньеру, который связывал его непосредственно с глаголом. В отечественную лингвистическую науку данное понятие было введено С. Д. Кацнельсоном, который понимал под валентностью «общую сочетательную способность слов», то есть трактовал валентность более широко. Между тем С. Д. Кацнельсон тесно связывал синтаксис и семантику грамматических форм, утверждая, что «под явными синтаксическими связями, выражаемыми синтаксической морфологией, скрываются, таким образом, глубинные, запрятанные в лексических значениях синтаксические связи» [3, с. 88]. Так, понятие «валентность» постепенно приобретало все более широкое толкование и начало изучаться не только с вербоцентрических позиций, но и относительно других частей речи и языковых единиц самых разных языковых уровней.

Многие выдающиеся отечественные языковеды внесли свой вклад в разработку теории валентности. К примеру, В. Д. Аракин предлагает различать более абстрактную грамматическую валентность и противо-

стоящую ей более конкретную лексическую валентность слова [1, с. 9 – 10]. Далее, в рамках уже изучения лексической валентности, происходит подразделение ее на «внутреннюю» и «внешнюю», изучение нарушения которых и составляет цель данной статьи. Однако, прежде чем перейти непосредственно к характеристике типов валентности, следует отметить еще одну деталь. Как справедливо отмечает в своей монографии Н. В. Юдина (а ее работа является одной из самых последних по данной проблеме), «следует различать валентность *языковую*, которая представляет собой *потенциальную* способность языковой единицы сочетаться с другими, и валентность *речевую*, которая не всегда может соответствовать этим потенциальным способностям сочетающихся языковых единиц и даже – более того – нарушать традиционные закономерности соединения» [8, с. 29]. В качестве примера исследователь указывает на оксюмороны; однако в нашей работе мы рассмотрим не просто уровень словосочетаний, но и уровень морфемной организации слова, выстроенной с учетом авторского нарушения «внутренней» валентности слова.

Итак, выделение «внешней» и «внутренней» типов валентности связано с именем М. Д. Степановой, которая в рамках «внутренней» валентности выделяет *формально-морфологическую* и *семантическую* валентности. Отмечая, что внутренняя валентность свойственна лишь некорневым словам, исследователь считает, что первый тип внутренней валентности выражается в том, что «те или иные аффиксы в составе той или иной части речи соединяются с основами определенных частей речи» [6, с. 18]. Так, к примеру, в английском языке многие наречия образуются добав-

лением суффикса –ly к адъективной основе (bright – brightly; dry – dryly и т. д.) Суффикс –y образует прилагательные от субстантивной основы, например: dirt – dirty; foam – foamy и т. д. Внутренняя семантическая валентность, по мнению Г. Хельбига, мнение которого цитируют многие отечественные ученые, «отражает тот факт, что слова (в качестве носителей валентности) требуют определенных контекстных партнеров с определенными семантическими признаками и исключают других контекстных партнеров с иными семантическими признаками» [цит. по: 8, с. 32]. Однако все описанное выше лежит в сфере нормы; в фокусе нашего внимания лежит выход за ее пределы, нарушение нормы в авторских целях.

Завершая свою статью, М. Д. Степанова говорит о «возможности окказиональных образований», которые «достаточно часто встречаются в произведениях художественной литературы» [6, с. 19]. О таких образованиях, в частности, мы говорим, когда ставим вопрос о *языковых аномалиях* в художественном тексте – понятие «языковая аномалия» понимается нами достаточно широко, оно включает в себя и окказиональные образования. Аномалии мы рассматриваем на всех языковых уровнях, даже на уровне текста; однако, будучи ограниченными в объеме, в данной статье сконцентрируемся лишь на аномалиях в рамках словотворчества, что, несомненно, представляет самый обширный класс аномалий в художественной речи. В целом же считаем, что исчерпывающее определение аномалий предложено Т. Б. Радбилом, который понимает под такими явлениями «разного рода семантические, стилистические, нарративные и прагматические отклонения и девиации на фоне стандартного языка, которые функционально нагружены, то есть являются средством выражения особой эстетической интенции автора и средством фиксации особой «картины мира» художника» [5, с. 309]. Как следует из определения, языковые аномалии – явление обширное и неоднородное, а следовательно, и механизмы создания таких явлений весьма разнообразны. Однако сосредоточенность на слове, его структуре и представлении о валентности дает нам возможность рассмотреть нарушение последней как фактор образования языковых аномалий в художественном тексте, обладающих огромным экспрессивным потенциалом и выражающих особое творческое задание автора.

Об отклонении от норм для создания особого колорита, дополнительных смыслов и значений пишут многие авторитетные исследователи. К примеру, И. В. Арнольд говорит о нарушении валентностных связей как средстве реализации *транспозиции* [2, с. 93], а Р. А. Киселева, рассматривая особенности авторских неологизмов, видит в нарушении валентности ведущий механизм их образования: при аффиксации, словосложении эффект, который хотел произвести автор, «создается противоречием между привычностью морфем и непривычностью их сочетания» [4, с. 7]. Кстати, следует отметить, что именно наличие определенных моделей в языке помогает автору остаться понятным, поскольку необычное сочетание элементов активизирует в голове читателя привычную модель. К примеру, в отрывке “*All the “I love yous” with which I filled my letters to Francis...*” [10, p. 161] сочетание *I love yous* представляет собой аномалию, так как оно

образовано с нарушением внутренней формально-морфологической валентности – морфема –s трактуется словарем как “*combining form used to form the plural of nouns*” [9, p. 1245]. В данном примере мы видим, как морфема, сочетающаяся с существительным в общепринятой норме, присоединена к местоимению; однако именно благодаря нормативной модели мы понимаем суть новообразования – героиня романа М. Дрэбл пишет многочисленные письма своему возлюбленному в Париж, уже даже не понимая толком, испытывает ли она романтические чувства к нему. Массовость бессмысленных признаний, написанных скорее по привычке, отражается в аномальном образовании, которое раскрывает читателю истинное содержание писем героини, ее чувств, эмоций, восприятия любви на расстоянии.

Принимая во внимание особенности нашего исследования, представляется возможным уточнить, что нарушение «внутренней» валентности слова является одним из механизмов создания языковых аномалий под действием лингвокреативного мышления отдельной творческой личности, направленного на привлечение читательского внимания, на более точную и экспрессивную форму выражения художественного задания, что способствует созданию эффекта «острашения». Следует особо отметить, что именно постмодернистский дискурс изобилует разного рода аномалиями, что является отражением «постмодернистской чувствительности», пафоса отрицания и разрушения, пересмотра прошлого и иронии над традицией. Рассмотрим более подробно несколько примеров языковых аномалий из произведений одного из ярких представителей европейского постмодернизма Джона Фаулза; анализируемые аномалии созданы с нарушением внутренней валентности слова, что дает подчас весьма необычный результат.

Когда мы говорим о внутренней валентности, первый процесс, которого мы касаемся, – это, несомненно, аффиксация. Аффиксация является одним из самых продуктивных способов словообразования не только в общенациональном языке, но и в аномальном окказиональном словообразовании. Одним из самых продуктивных суффиксов является при этом суффикс –ness, нормой употребления которого является модель ADJ + ness = NOUN, причем существительное, которое образуется в результате такого соединения, носит абстрактный характер (обозначает состояние, качество, свойство). В авторском словообразовании мы наблюдаем соединение данного субстантивного суффикса с самыми разными основами. К примеру, у Дж. Фаулза находим: “*I noticed the **twoness** of the tea-table, and stood by the corner, embarrassed, aware of a trite English desire to sneak away*” [13, p. 78]. Образование *twoness* представляет собой пример нарушения внутренней валентности, поскольку субстантивный суффикс соединяется с основой числительного для образования существительного. Такая аномалия дает автору возможность емко, кратко выразить мысль; к тому же, внимание читателя слегка замедляется перед появлением Мориса Кончуса – одной из ключевых фигур романа «Волхв». Подобное образование находим и в «Кротовых норах»: “*... the early **oneness** with his mother that granted this*

ability to make the world mysteriously and deliciously change meaning and appearance" [14, p. 139].

Не менее экспрессивны и образования, представляющие собой соединение данного суффикса с местоименной основой: "... *the cell we are all obliged to inhabit. Its walls are formed by eachness and ego, our difficult individuality*" [14, p. 347]. Следует отметить, что нарушение формально-морфологической валентности не может не затронуть семантическую структуру слова: в приведенном примере мы сталкиваемся, на наш взгляд, со случаем семантического рассогласования, когда в слове *eachness* совмещаются противоречащие семы, ведь *each* определяется словарем как "*every thing, person, etc. in a group of two or more, considered separately*" [9, p. 434], в то время как суффикс *-ness* выражает обобщающее значение качества или состояния. Таким образом, эффект аномалии только усиливается, а внимание читателя останавливается на столь необычном абстрактном существительном.

Одним из самых выразительных случаев аномального словообразования является присоединение суффикса к одной из форм глагола *to be*: "*A form of that "isness", that present being, runs – however clumsily I expressed it – through The Magus*" [14, p. 63]. Аномальность данного образования состоит в том, что суффикс сочетается с вариантной глагольной основой, что ведет к следующей возможной интерпретации передаваемого смысла – речь идет о существовании как таковом, о бытии как состоянии, что подчеркивается одновременно семантикой основы и суффикса, в отличие, к примеру, от существования как процесса, что читается в аномалии *beingness* [14, p. 355]. К тому же, в данной аномалии присутствует своего рода указание на необычность явления, которое заключается в словах повествователя "*however clumsily I expressed it*", что помогает читателю увидеть и осознать необычное образование. Подобную атрибуцию в чисто формальном виде можем наблюдать и в новообразованиях в составе следующего предложения: "*They seemed almost parallel experiences; except that this had all the beauty of its immediacy, its uninducedness, its being-now-ness*" [13, p. 259]. Написание, которое вскрывает сложную структуру слова, и является той атрибуцией, которая обращает внимание читателя на аномалию, останавливает взгляд, заставляет вдуматься в смысл необычного, нового, сложного, но вместе с тем привлекательного своей уникальностью. Данная аномалия образована с помощью присоединения суффикса *-ness* к основе, представляющей собой сложнопроизводный компонент из герундиальной формы и наречия, что также представляет собой случай нарушения формально-морфологической внутренней валентности, в результате чего получается авторское, а потому более экспрессивное средство выражения мысли. Известно, что Дж. Фаулз, который написал эти строки, уделял особое внимание жизни «здесь и сейчас», стараясь избегать тщетных надежд и страхов за будущее. Образование *nowness* не раз повторяется во многих произведениях и имеет, вероятно, статус одного из ключевых концептов в концептуальной системе этого автора, который всегда призывал читателя жить настоящим – ведь будущее весьма иллюзорно и обманчиво.

Что касается нарушения внутренней семантической валентности, представляется справедливым отметить точку зрения на данную проблему С. Ю. Степановой, которая, анализируя окказионализмы В. Набокова, приходит к выводу, что нарушение семантической валентности является активным механизмом создания авторских новообразований. Мощный экспрессивный заряд появляется благодаря тому, что «в подобных образованиях наблюдается соединение основ, далеких по значению», и, как отмечает автор, «сближение несближаемых языковых элементов, необычная их комбинация не может пройти мимо читателя» [7, с. 100]. Подобные примеры мы можем наблюдать, в частности, и у Дж. Фаулза. В своем критико-аналитическом сборнике эссе "The Aristos", рассуждая об артефактах, писатель говорит: "*An aged artefact is both what could not be created today and what still exists today; we admire in it the number of **nows survived***" [11, p. 161]. Все предложение в целом носит несколько конрадикторный характер; однако привлекает наше внимание нетипичное соединение *nows survived*, поскольку *now* трактуется словарем как "*the present moment or time*" [9, p. 956] (кстати, не-смотря на то, что это существительное, множественное число здесь крайне нетипично), а *survived* (как форма *survive*) определяется как "*to continue to live or exist*" [9, p. 1470]. Получается, что мы сталкиваемся с некоторым противоречием, которое, вероятно, при более точном рассмотрении даже приближается к тавтологии: то, что существует сейчас, каким-то образом выжило, пережило прошлое и продолжает существовать. Так, сближение двух рассмотренных нами компонентов является нарушением внутренней семантической валентности *now*, что придает словосочетанию особую экспресс-сию, способствует эффекту «остранения», ведь пройти мимо такого образования, не осмыслив его, для внимательного читателя представляется просто невозможным.

Не менее интересным образованием является сочетание "*a richness of freedoms*", где двум абстрактным существительным придается значение исчисляемости, множественности, что, естественно, нетипично для нормы языка. Нарушение семантической валентности состоит в факте присоединения показателя множественности к неисчисляемому абстрактному существительному *freedom*, которое одной своей семантикой ("*the condition or right of being able or allowed to do, say, think, etc. whatever you want to, without being controlled or limited*" [9, p. 562]) предполагает единичность, универсальность. И все же, что хочет сказать этим автор? Данное сочетание относится к рассуждениям о Франции, когда автор – Дж. Фаулз – говорит, почему эта страна так повлияла на него, оставила такой след в душе: "*If anything, it is a richness of freedoms, and even there not so much in allowing people to choose from such richness, as in making the choice available*" [14, p. 55]. Свобода выбора, возможность разного выбора – вот то, что восхищает Дж. Фаулза во Франции. Вероятно, в данном аномальном образовании можно усмотреть вполне нормативную базу – присоединение показателя множественности к неисчисляемому существительному для выражения разных видов, сортов и т. п. Однако именно сема абстрактности данного понятия создает неповторимый

эмоциональный эффект, который так важен автору, чтобы более полно отразить свои взгляды на страну, сформировавшую в большой мере его личность как писателя и гражданина.

Наконец, нельзя не отметить, что многие языковые аномалии в текстах постмодерна носят иронический характер. Образования такого свойства также могут основываться на аффиксации при использовании непривычных основ. Как справедливо отмечает Р. А. Киселева, одним из самых необычных случаев является сочетание уже существующих аффиксов с именами собственными, «не имеющими словообразовательного гнезда». Исследователь приводит интересный пример: “*You’ve out-Barbaraed Barbara*”, и даже предлагает вариант перевода на русский язык: «Ты «перебарбарила» самое Барбару» [4, с. 7]. Подобный пример находим у Дж. Фаулза в сборнике рассказов «Башня из черного дерева», когда герои рассуждают о социализме: “*A bottle of Jolly, and you’ll out-Mao everyone else in sight*” [12, р. 265]. Существующий в языке префикс *out* соединяется с необычной основой – именем собственным, что дает довольно интересное образование, несущее в себе яркий иронический подтекст, особенно если учитывать общий иронический контекст диалога. В определенном смысле можно расценить данное образование как нарушение семантической валентности имени собственного, которое не предполагает богатого словообразования; именно соединение несоединимого и производит тот эффект, которого добивается автор произведения.

Итак, подводя итог, следует сказать, что нарушение внутренней валентности слов (как формально-морфологической, так и семантической) является одним из самых распространенных способов создания языковых аномалий на уровне словотворчества. Появление таких аномалий в тексте художественного произведения продиктовано способностью авторского лингвокреативного мышления к более точному, полному, эмоциональному выражению своей мысли, а также намерением вовлечь читателя в постмодернистскую игру, которая так свойственна всем представителям данного направления. Несомненно, в данной статье мы осветили лишь некоторые примеры данного явления, которое весьма многогранно и разнообразно. Исследования нарушения валентных связей могут проводиться и на более высоких уровнях организации языковой системы. Однако именно слово, являясь центральной единицей языка, чаще всего привлекает внимание как исследователей, так и простых читателей. Разнообразие языковых аномалий, а также богатство передаваемых ими смыслов, увлекает читателей в уникальный мир авторского воображения и языковых средств, которыми выражается авторский замысел. Это то, о чем Дж. Фаулз так метко сказал: “*Imagination is always ahead of the technique to express it; and one of the greatest pleasures of writing is trying to make the laggard catch up – just as how well and how variously*

the novelist attempts this is certainly one of the greatest pleasures of reading” [14, р. 203]. «Воображение всегда обгоняет способ его выражения, и одно из величайших наслаждений творчества – попытка заставить отстающего нагнать ушедшего вперед; а то, насколько удачно или разнообразно автор пытается это сделать, несомненно, доставляет величайшее наслаждение при чтении» [пер. с англ. И. Бессмертной, И. Тоговой]. И такое наслаждение читатель, несомненно, испытывает каждый раз при встрече с писателем на страницах его книг – фантастических, захватывающих историй, написанных языком настоящего художника слова.

Литература

1. Аракин, В. Д. О лексической сочетаемости / В. Д. Аракин // К проблеме лексической сочетаемости. – М., 1972.
2. Арнольд, И. В. Стилистика. Современный английский язык / И. В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002.
3. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и речевое мышление / С. Д. Кацнельсон. – М.: Едиториал УРСС, 2002.
4. Киселева, Р. А. Структурные особенности авторских неологизмов и их стилистические функции / Р. А. Киселева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1970.
5. Радбиль, Т. Б. Концепт игры в аномальном художественном дискурсе / Т. Б. Радбиль // Логический анализ языка. Концептуальные поля игры. – М.: Индик, 2006.
6. Степанова, М. Д. О «внешней» и «внутренней» валентности слова / М. Д. Степанова // Иностранные языки в школе. – 1967. – № 3.
7. Степанова, С. Ю. Словотворчество как нестандартная морфемная сочетаемость / С. Ю. Степанова // Актуальные проблемы семантики, лингвистической типологии и лингводидактики: мат. науч. конф. 26 – 28 марта 1998 г. – М.: МГПУ, 1998.
8. Юдина, Н. В. Сочетания «прилагательное + существительное» в лингвокогнитивном аспекте / Н. В. Юдина. – М.: Владимир: Ин-т языкознания РАН, ВГПУ, 2006.
9. Cambridge International Dictionary of English. – Cambridge University Press, 2000.
10. Drabble, M. A Summer Bird-Cage / M. Drabble. – London: Penguin Books, 1977.
11. Fowles, J. The Aristos / J. Fowles. – London: Vintage, 2001.
12. Fowles, J. The Ebony Tower / J. Fowles. – London: Vintage, 2006.
13. Fowles, J. The Magus / J. Fowles. – London: Vintage, 2004.
14. Fowles, J. The Wormholes / J. Fowles. – New York: Henry Holt and Company, Inc., 1998.